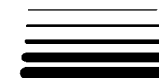

**ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ И ПЕРСПЕКТИВЫ
ЦИВИЛИЗАЦИИ. СТРАТЕГИЯ
ФИЛОСОФСКОГО ОСМЫСЛЕНИЯ**

Вызовы современности

DOI:

Оригинальная исследовательская статья

Original research paper

**Травматическое состояние общества как третья
модальность развития**

Ж.Т. Тощенко

*Российский государственный гуманитарный университет, Москва,
Россия*

*Федеральный научно-исследовательский социологический центр
РАН, Москва, Россия*

Аннотация

В статье рассматриваются модальности осознания обществом процесса собственного развития. Рассмотрев эволюция идей, можно заметить, что развитие человечества на предыдущих этапах рассматривалось только в двух модальностях – эволюция и революция. Но эвристический потенциал концепций революции и эволюции как состояний прогресса не обладает достаточной полнотой для объяснения всего многообразия реальных, но своеобразных процессов и событий, не отражает особенность исторического процесса в странах разных регионов мира. В гуманитарном знании доминируют формальные прагматические представления, согласно которым общественное благополучие определяется уровнем материальной и технической базы общества, совокупностью потребляемых благ. При этом игнорируется состояние общественного сознания, которое, будучи формой субъективного восприятия макро-, мезо- и микро-процессов, самым непосредственным образом влияет на решение коренных проблем общественного развития. Для преодоления этого противоречия предлагается понятие «травмы» в качестве обозначения специфического состояния, отличного от революционного или эволюционного, состояния, вырывающего общество из логики развития и прогресса. Поэтому следует говорить об «обществе травмы», которое следует понимать как третью модальность общественного развития наряду

эволюцией и революцией. Травмированное состояние прежде всего проявляется себя в формах общественного самосознания. Кроме того, для общества травмы характерно отсутствие четкой стратегии и понимания собственных перспектив. Действия общества носят непоследовательный характер, не способны мобилизовать ресурсы на преодоление деструктивных процессов. В силу этого травматическое состояние имеет экономические и политические последствия. В обществе травмы национальная специфика как правило либо игнорируется, либо, наоборот, гипертрофируется. Деграция экономических и государственных институтов приводит к слиянию власти и капитала. Поэтому гармонизацию общественных (экономических, социальных, политических) отношений следует рассматривать как одно из условий преодоления травмированного состояния общества.

Ключевые слова: общество травмы, развитие, прогресс, эволюция, революция, социальная трансформация, социальная философия.

При поддержке гранта РФФИ № 18-18-00024

Тощенко Жан Терентьевич – доктор философских наук, профессор, член-корреспондент РАН, заведующий кафедрой теории и истории социологии социологического факультета, научный руководитель социологического факультета РГГУ, главный научный сотрудник группы исследования мультикультурного потребления Института социологии ФНИСЦ РАН.

zhantosch@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-7729-3660>

Для цитирования: Тощенко Ж.Т. Общество травмы как третья модальность развития // Философские науки. 2020. Т. 63. № 4. С. .

DOI:

The Trauma Society as the Third Modality of Social Development

Zh.T. Toshchenko

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Abstract

The article examines how societies describe and comprehend the process of their own development. Having considered the history of the evolution of

ideas, it can be noted that the development of countries was considered only in two modalities – evolution and revolution. But the concepts of revolution and evolution *qua* states of progress cannot explain the whole variety of real but only peculiar processes and events, cannot reflect the specifics of the development process in countries of different regions of the world. In humanitarian knowledge, there is a domination of formal pragmatic ideas that social well-being is determined by the level of the material and technical base of society, by the totality of the benefits consumed. However, the state of public consciousness, being a form of the internal state of society, directly affects social well-being. For this reason, the concept of “trauma” is proposed as a designation of a specific state, different from a revolutionary or evolutionary one, a state that draws society away from the logic of development and progress. Thus, we should talk about the “trauma society,” which should be understood as the third modality of social development along with evolution and revolution. The trauma state primarily manifests itself in the forms of social self-awareness. Trauma society is characterized by a lack of a clear strategy and understanding of its own prospects. The actions of society are inconsistent in nature, are not able to mobilize resources to overcome destructive processes. Due to that, the traumatic condition has economic and political consequences. In a trauma society, national specificity is usually either ignored or, contrarily, hypertrophied. The degradation of economic and state institutions leads to a merger of power and capital. Therefore, the harmonization of public consciousness should be considered as one of the conditions for overcoming the institutional crisis.

Keywords: trauma society, progress, evolution, revolution, social transformation, social philosophy.

Zhan T. Toshchenko – D.Sc. in Philosophy, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences; Head of the Department of the Theory and History of Sociology, Adviser for Academic Affairs, Faculty of Sociology, Russian State University for the Humanities; Chief Research Fellow, Institute of Sociology, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences.

zhantosch@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-7729-3660>

For citation: Toshchenko Zh.T. (2020) The Trauma Society as the Third Modality of Social Development. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. Vol. 63, no. 4, pp. .

DOI:

Введение

Со времен эпохи Просвещения концепты эволюции и революции являются классическими понятиями социального знания в самом широком его понимании. Несмотря на популярные скептические взгляды по отношению к идее прогресса, являющимися источником этих понятий, в явном или замаскированном виде они присутствуют в основаниях многих конкретно-научных теорий и социально-философских концепций. Социальная обусловленность подобных скептических и откровенно антипрогрессионистских взглядов будет рассмотрена ниже как интересный и важный феномен, но не они являются предметом изучения.

С одной стороны, уместно говорить о состоянии эволюции и состоянии революции, в которых находятся конкретные общества. При этом эволюция является **состояние** продолжительным, т.е. длящимся значительное время, обычно сопоставимое с жизнями целых поколений; революция, или состояние кардинальных изменений, является состоянием пусть не одномоментным, но кратковременным, обычно происходящим в пределах сознательной жизни одного поколения. С другой стороны, революцию и эволюцию следует понимать как способы достижения одного и того же результата, реализации неких ценностей прогресса. Но поскольку способ достижения результата сам влияет на форму и содержание результата до такой степени, что разделить их полностью невозможно, корректнее говорить о революции и эволюции даже не как о состояниях или способах развития, а более абстрактно – как о *модальностях* развития.

Доминирует точка зрения, что с позиции логики указанные состояния являются противоречащими понятиями в том смысле, что одно является отрицанием другого, что одно можно определить через другое. Революция есть не эволюция или отрицание эволюционного пути развития. Справедливо и обратное утверждение. Однако, как мы знаем, многообразие естественных феноменов, включая явления социальной жизни, обычно оказывается значительно богаче упрощенных дихотомических и бинарных логических оппозиций, выполняющих скорее пропедевтическую функцию, нежели подлинно научную.

В самом деле, большинством социальных концепций, так или иначе объясняющими природу прогресса, признается диалектическое отношение между эволюционным и революционными состояниями общества. Это означает, что эти понятия являются противоположными по форме своих логических отношений друг у другу. Действительно, между состояниями постепенного эволюционного приращения нового и состоянием кардинального слома прежнего состояния дел с заменой его на принципиально новое должны иметь место некие промежуточные варианты состояний общества или стадии общественного развития.

В настоящей статье приводятся теоретические и эмпирические аргументы в пользу того, что подобное состояние нередко встречается в истории и в современности. Это есть состояние потери обществом своих ориентиров, стратегического видения будущего, разочарования в прежних достижениях, трагической утраты и даже нарочитого отвержения ценностей развития как якобы не оправдавших себя. Причины этого состояния могут быть различны, но обычно оно является результатом воздействия внешних сил, т.е. результатом поражения в драматическом противостоянии: экономическом, политическом, гражданском, военном. Тип общества, пребывающего в подобном состоянии назван обществом травмы, а само состояние общества – травмированным.

Эволюция идеи прогресса

Идеи прогресса как неуклонного и последовательного развития человечества в современном их понимании были заложены в эпоху Просвещения. Сообразно законам разума, т.е. рационального мышления, считалось возможным совершенствование и усложнение организации существующего общества (экономической, социальной, политической и духовной жизни). Весь комплекс характерной аргументации в пользу этих идей можно встретить в книгах аббата Сен-Пьер «Замечания о непрерывном прогрессе всеобщего разума» (1737) и Тюрго «Рассуждения о последовательном прогрессе человеческого разума» (1750), а также «Очерках исторической картины прогресса человеческого разума» Кондорсе (1794). Согласно последнему, прогресс «почти так же надежен, как и закон природы», т.е. мы впервые

наблюдаем представление о прогрессе как некоем онтологическом процессе, как проявлении неумолимого природного механизма, усложняющего формы действительности во времени. Эта онтологическая характеристика прогресса является изначальной и существенной для этого понятия, отказ от нее в пользу контингентности развития, как будет показано ниже, является фактическим отказом от ценностей прогресса.

Следует отметить, что уже в ту эпоху имели место различные представления о природе прогресса и его конкретных формах. Особо отметим философов, которые были сторонниками поэтапного реформирования существующих политических режимов. К ним можно причислить Ньютона, Локка, Вольтера, Гольбаха и Юма. С другой стороны, были мыслители, настаивавшие на кардинальных мерах при реализации требований общественного развития. В них следует отнести Ж.Ж. Руссо и Дж. Джефферсона. Именно их идеи легли в основание французской Декларации прав человека и гражданина и американской Декларации независимости (подробнее см.: [Арин 2008]).

Значительную лепту в обоснование идей прогресса внес марксизм. Согласно марксизму, прогресс – это усложнение природы и общества сообразно законам диалектики, понимаемой как рост структурной упорядоченности и гармонии. В результате реализации требований прогресса мы способны преодолеть отчуждение человека, раскрыть его творческие силы и построить более совершенное общество. Эти идеи **наиболее у Маркса наглядно отражены** в «Критике Готской программы».

В XIX в. идеи прогресса были конкретизированы. Самостоятельное звучание приобрели идеи *социального* прогресса в собственном смысле этого слова. Появились работы в пользу социальной эволюции как приоритетной формы прогресса. Сторонники эволюции были против кардинальных, травмирующих мер по преобразованию общества, однако разделяли как ценности прогресса, так и онтологическое убеждение о его природе как необходимом процессе усложнения материальной основы общества и форм общественных отношений в исторической перспективе. В политическом смысле прогресс понимался как рост свобод и равенства между людьми. В сфере экономики речь шла об увеличении роли научно-технического

прогресса и совершенствовании экономических отношений. В этическом измерении под этим понималось уменьшение социальной несправедливости. В области нравственности и духовного мира человека речь шла о раскрытии творческого потенциала человеческой личности, развитии искусств, росте богатства культуры в целом.

В любом случае считалось, что этот процесс носит тотальный характер, сказываясь на всех формах общественных отношений и типах обществ. Его результатом является более совершенное общественное устройство во всех сферах функционирования социума: экономике, политике, культуре, образовании и т.п.

При всей привлекательности подобного взгляда на природу прогресса, скоро стало понятно, что он в основном восходит к осмыслению европейской истории. В большинстве случаев он не учитывает «ориентальную» специфику. Впрочем, в XIX в. западноевропейская мысль слабо ориентировалась даже в специфике стран Юго-Восточной Европы, находившихся под властью Османской империи. История стран Латинской Америки, в которых длительное время доминировали консервативные тенденции, также не вполне удачно соотносилась с таким взглядом на прогресс. Очень специфически реализовывались идеи прогресса в странах Азиатского континента.

Среди многочисленных трактовок идей прогресса постепенно набирала вес марксистская концепция общественно-экономических формаций. Согласно определению К. Маркса, общественно-экономическая формация есть «общество, находящееся на определенной ступени исторического развития, общество со своеобразными отличительными характеристиками» [Маркс 1957, 442]. Этот подход позволил узреть не только наличие исторической последовательности в развитии человечества, но и определить современное состояние каждого и существующих обществ. Вместе с тем, Маркс признавал, что этот подход не учитывал особенности развития азиатских государств, что нашло отражение в его попытках осмыслить «азиатский способ производства».

XIX в. породил множество попыток трактовки общей истории, выявления закономерностей развития (теории циклического развития, утопического социализма и др.). Обратим внимание, что вскоре стали обращать внимание не только на

то, *что* происходит, но и на то, *как* происходят изменения [История философии... 2000].

Все выше названные теории обычно оперировали таким понятием, как *эволюция*, явным или имплицитным образом. Можно утверждать, что для этого периода было характерно твердое убеждение, согласно которому существует некий естественный диалектический механизм постепенного накопления прогрессивных свойств, которые в конечном счете приводят к значительным качественным изменениям общества (подробнее см.: [Коротаяев 2003]).

В XX в. сформировалось специфическое понятие научного прогресса. Для него характерна известная автономность от внешних для научной деятельности прагматических мотивов, – экономической, политической и прочих форм целесообразности. Т. Кун высказал мысль, что этот процесс следует считать позитивным по отношению к ценности извлечения объективного знания, т.к. избавление от внешних мотивов ведет к улучшению критериев научности, с точки зрения представлений о знании самого по себе и для себя [Кун 2003].

Выход на общественную арену идей марксизма, мысль о возможности прихода нового общественного строя все больше стала ассоциироваться с концепцией *революции*, с возможностью кардинальных, качественных изменений в развитии того или иного общества, которые не могут быть достигнуты путем реформирования.

Однако новые концепции общественного развития, столь характерные для XX в., в той или иной мере опирались на идеи эволюции. Особое звучание получили теория гибридации, гуманистического поворота, возрождения идеологии [Гуманистический поворот... 2018; Лапин 2018; Славин 2009]. Вместе с тем, против трактовки прогресса как однолинейного развития выступили многие. Т. Адорно выразил сомнения в реальности социального прогресса, выступив с концепцией «негативной диалектики». В рамках этой концепции отрицание не является с необходимостью позитивным в длительной исторической перспективе, не ведет с необходимостью к той стадии, которую Гегель именовал синтезом. Такой подход олицетворяет релятивизацию всякого концептуального каркаса,

отрицание действительности ради конкретной реализации «утопии» [Адорно 2003].

Тем не менее оптимистические суждения о прогрессе как эволюционном пути развития преобладали. В середине XX в. умами многих исследователей и политиков овладела экономическая теория Дж. Кейнса. Он обосновал идеи, которые легли в основу концепции социального государства и общества всеобщего благосостояния, получивших частичное воплощение в ряде развитых стран мира в последней трети XX в. [Кейнс 2002].

Во второй половине XX в. имели место и другие теоретические попытки. В их основе лежали понятия модернизации, глобализации, информационного, постиндустриального общества, общества (пост)модерна. Активно разрабатывались концепции общества равных возможностей, социального партнерства. Появились весьма специфические социально-экономические теории, претендующие на решение частных проблем – монетаризм, экономика предложения, теории рациональных ожиданий. Была создана экзотическая концепция «хорошего общества», в основе которого лежат скорее ожидания и мечты (в т.ч. с оправданием существующего опыта), чем актуальное положение дел (см.: [Федотова 2005]).

Даже во времена доминирования эволюционизма слово «революция» не исчезло из научного, и политического лексикона. В большинстве случаев оно означало некие стратегические цели радикальных движений по достижению декларируемого и желаемого результата. Типичными стали понятия научно-технической революции, четвертой промышленной революции, шестого технологического уклада, цифровизации и т.п. Стоит обратить внимание на концепции устойчивого развития, концепцию «Север-Юг», теорию нового колониализма, концепцию «особого пути» развития стран Востока, Африки и Латинской Америки [Васильев 2018].

Стоит обратить внимание на концепцию *глобализации*, которая в последние десятилетия активно продвигалась в гуманитарных науках, вытесняя классический прогрессионистский дискурс. При внимательном рассмотрении становится очевидно, что их теоретические претензии, в действительности не велики. Их объяснительная сила слаба, поскольку эти концепции

делают акцент на описании, фиксации неких трендов, игнорируя объективные условия разных стран. Так Г. Киссинджер, выступая в 1999 г. на лекции Тринити-колледже в Дублине, поделился своим пониманием, что популярное слово «глобализация» означает не более чем мировое господство США (цит. по: [Мартынов 2003, 59]).

В XX в. ряд философов стали на позиции полного отрицания идей прогресса. Ж. Бодрийяр выразил почти апокалиптические настроения, увидев в развитии современного общества только регресс и отрыв от реальности [Бодрийяр 2011]. Известное распространение получили концепции антисциентизма, продвигающем крайне критическое отношении к науке как инструменте познания и ее использования во благо человечества (подробнее см.: [Ракитов 1998; Швырев 2009]). После увядания теорий постмодерна не было придумано ничего свежего, как соорудить еще одну концепцию – пост-постмодерн (см.: [Павлов 2019]).

Особое место занимает эволюционистская теория конвергенции. Понятие конвергенции означало сближение двух конкурирующих систем – западной (капиталистической) и советской (социалистической). Эта теория была нацелена на сопоставление состояний и тенденций развития капитализма и социализма, выявления преимуществ и издержек каждого. Капиталистические страны под влиянием социалистических идей, воплощаемых в Советском Союзе, реализовали многие предложения социалистических теоретиков и практиков. Закономерно, что со временем возникла теория конвергенции. Наиболее видными создателями этой теории были русско-американский социолог П.А. Сорокин, голландский эконометрик Я. Тинберген, американский экономист-институционалист Дж. Гэлбрейт, французский исследователь Ф. Перру и др. Обычно в этой плеяде забывают упомянуть американского экономиста У. Ростоу, который в конце 1940-х гг. один из первых обосновывал идею конвергенции.

Перечисленные авторы утверждали, что капитализм и социализм имеют выраженную тенденцию взаимопроникновения форм общественных отношений и эту тенденцию следует поддерживать. Предполагалось, что таким образом можно сберечь мировую цивилизацию, образуя новые типы культурной и социально-экономической жизни, в которых бы в концентри-

рованном виде выразилось бы лучшее, что в обеих системах. Дж. Гэлбрейт в работе «Американский капитализм», а затем в книге «Новое индустриальное общество» изложил и обосновал совокупность мер, которые должны привести к «новому социализму» [Гэлбрейт 2004].

Этот краткий исторический обзор позволяет сделать вывод, что развитие человечества рассматривалось исключительно в двух модальностях – эволюция и/или революция. Однако такое представление о прогрессе есть результат слишком большого обобщения и не всегда соответствует реальности: «Представлять себе всемирную историю, идущей гладко и аккуратно вперед, без гигантских иногда скачков назад, не диалектично, ненаучно, теоретически неверно» [Ленин 1981, 77].

Травматичность как социальное понятие

В переводе с древнегреческого языка слово «травма» означало рану на теле. В современном знании это слово используется за пределами медицинского дискурса, означая в том числе рану психическую, которая нарушает «осознание времени, себя и мира» [Caruth 1995, 6]. В социальную мысль это понятие проникло благодаря польскому исследователю, бывшему Президенту Международной социологической ассоциации П. Штомпка. Анализируя развитие польского общества после Второй мировой войны, он пришел к выводу, что его можно охарактеризовать как период травмы. Он рассматривает *травму* как «социальную трансформацию», в основе которой лежат «длительные, непредвиденные, отчасти неопределяемые, имеющие непредсказуемый финал процессы, проводимые в движение коллективным агентством (agency) и возникающие в поле структурных опций (ограниченных возможностей действия), унаследованных в результате ранних фаз указанных процессов» [Штомпка 2001, 6–7]. Люди такого общества пребывают в состоянии неопределенности, тревоги. В это время появляется большое количество социальных мифов и иллюзий, что свидетельствует о неудачах по рационализации жизни общества.

Идеи П. Штомпки о социальной травме поддержали другие представители социальной мысли, среди которых можно в первую очередь назвать известного американского социолога Д. Александера. Он сосредоточил внимание на обосновании теоретических

основ этих процессов, на соотношении социальной травмы с такими явлениями, которые свидетельствуют о деформированном развитии общества [Alexander 2012; Александр 2013].

Определенную лепту внес Н. Смелзер, охарактеризовав травму как «захватывающее и подавляющее событие, которое подрывает один или несколько ключевых элементов культуры или культуру в целом» [Smelser 2004, 38]. З. Бауман рассуждал о непредсказуемости жизни, об отсутствии вектора эволюции личности и общества, «о незнании целей вместо незнания средств» в новом «легком» капитализме [Бауман 2008, 68]. Общество в этом состоянии не способно к научной рефлексии для определения собственных целей. Отсутствие целей приводит к тому, что современный человек испытывает недостаток источников рационального поведения в сложном мире.

Среди отечественных исследователей много тех, кто не употребляет понятия травмы, но анализирует различные аспекты того травматического состояния российского общества, в котором оно находится. Среди них можно выделить работы экономистов: А.Г. Аганбегяна, А. В. Бузгалина, А.И. Колганова, М.Ф. Делягина, Р.С. Гринберга; политологов: Ю.Ю. Болдырева, Б.Ф. Славина; социологов М.К. Горшкова, С.А. Кравченко, Н.И. Лапина, В.К. Левашова; культуролога А.С. Запесоцкого; философа О.Н. Смолина и др.

При объяснении травмы, как социального понятия следует отличить его от понятия кризиса. В экономике травма общества проявляется в форме стагнации: «В отличие от кризиса, который несет в себе заряд послекризисного развития, стагнация не имеет внутренних пружин для будущего экономического роста» [Аганбегян 2019].

Для травмированных обществ имеет место не просто торможение развития и стагнация, но и значительный откат от достигнутого на предыдущих этапах развития. Мы имеем дело с полноценной деградацией ранее целых государств и обществ. Это происходит в Ливии и Ираке, это мы наблюдаем в Афганистане, Сомали и Судане. Инфраструктура этих государств разрушена, порой до самого основания, многие государственные и социальные институты не функционируют должным образом или не действуют вообще, не видно конца гражданским

войнам и вооруженным конфликтам, о прогрессе и развитии не может быть и речи.

В сфере общественного сознания травма проявляется прежде всего в том, что для общества травмы характерно отсутствие внятной стратегии и понимания собственных перспектив [Тощенко 2020, 39]. Улучшения и реформы обычно сводятся к решению частных текущих проблем, причем часто необдуманно копируется опыт других стран. В качестве примеров можно привести реформы в Молдове, Украине и Грузии. Типичным является навязывание реформ извне со стороны других государств или международных структур. Часто это делается без учета местной специфики, сопровождается экономическим и военным давлением со стороны внешних сил.

Власти, не обладая стратегическими целями развития, не будучи способными их сформулировать, ведут себя импульсивно, расходуют ресурсы, занимаются бесплодной фиктивно-демонстративной деятельностью, продолжая декларировать некие социальные ценности. Для обществ травмы характерна одна черта – крайне легкая взаимная конвертация капитала и власти вследствие деградации социальных и политических институтов. Вполне обычна ситуация, когда политическая власть рассматривается не как способ реализации своей стратегии развития, продвижения своего мировоззрения, даже не как самоценность, а как средство прикрытия сомнительных и откровенно преступных действий на финансовых рынках [Болдырев 2015].

Для властей обществ травмы характерно неадекватное отношение к национальной специфике. Они либо откровенно игнорируют ее, либо, напротив, гипертрофируют, доводя до абсурда меры по национальному строительству. В России это проявляется в форме отрицания всякой ценности опыта прошлого: советская и российская история объявляются ничтожной, весь исторический опыт и специфика нашего народа – раболопской и ущербной, требующими изживания с «цивилизаторских» позиций.

Напротив, в Украине национальное строительство пошло по пути раздувания национальной самоидентификации через отрицание родственности и добрососедства с другими народами, по пути стимулирования конфликтности по этническому при-

знаку: «Стимулирование этнополитической конфликтности и продвижение идеологии и системы ценностей, разделяющих этносы и нации по их отношению к свободе, демократии и процветанию, оказывается одной из ключевых составляющих» в «общей стратегии хаотизации социального субстрата неконсолидированных режимов» [Лапкин 2016, 61].

Как показал ход исторического развития, номинально «прогрессивные» идеи либерализма себя не оправдали, вызвав реальную деградацию многих сфер общественной жизни, вплоть до самых примитивных состояний. Они породили уродливые идеологические суррогаты в виде концептов толерантности, политкорректности и мультикультурализма. Они длительное время навязывались как европейцам, так и самобытным народам других континентов. Так, в России получили распространение концептуальные химеры, предлагающие обществу редукционистские объяснения: теория догоняющего развития, концепция консервативной модернизация, доктрина либеральной империи и т.п.

Обратим внимание на то, что в публичной сфере при характеристике идей, людей, взглядов, атрибут «прогрессивности» сменился на «цивилизованность». Футуристическая риторика прогресса уступила место высокомерной и мещанской по своей сути цивилизаторской риторике. Если ранее реализация идей прогресса обеспечивала выравнивание народов, обществ и цивилизаций в будущем, то отказ от нее в пользу «цивилизаторства» возродил неоколониальный дискурс превосходства «европейских ценностей» и соответствующего образа жизни как эталона для третирования геополитически периферийных обществ, для усугубления их травмированного состояния.

Заключение

С точки зрения логики отношения между понятиями эволюции и революции следует интерпретировать как противоположные. Это соответствует как диалектической природе этих понятий, так и реальному положению дел. Эти понятия коррелируют с соответствующими состояниями общества – постепенному развитию и быстрому кардинальному усложнению общественной структуры. Эволюция и революция как формы прогресса затрагивают как сферу материальную, так и духовную, однако их наглядным базисом является матери-

альная основа общества. Помимо этих состояний, представляется уместным ввести условно промежуточное состояние травмированного общества или просто – общество травмы. Его проявления можно обнаружить в материальной сфере, однако в этой сфере оно не отличимо от проявлений состояния экономического кризиса. Это травмированное состояние в первую очередь является состоянием общественного сознания в тесной связи с деформационными процессами в социальной и духовно-культурной сферах.

Существенным является то, что травматическое состояние общества вырывает его из логики развития. Для этого периода характерными являются антипрогрессивистские взгляды, которые имеют свое содержание и свою логику, но при этом, скорее, являются симптомом утраты веры в прогресс и сопутствующие ценности. Странники таких теорий и концепций могут декларировать ушедшие в прошлое или сверхмодернизационные убеждения, высказывать скепсис в отношении идеи научно-технического прогресса, откровенно возвещать о «конце науки» как величайшего предприятия человечества, возвещать возрождение сословного общества, приветствовать «новое средневековье» как форму нового гомеостаза и т.п.

Обобщая, травматическую модальность общества или общество травмы можно определить как длительное состояние неопределенности развития, для которой характерна деформация всех сфер жизнедеятельности общества. Общественное сознание в травмированном состоянии не всегда осознает свое состояние и может сформулировать свои цели. Действия общества носят импульсивный, хаотичный характер, не способны мобилизовать силы на преодоление деструктивных процессов. В обществах травмы нередко на первый план выдвигаются политические и экономические силы (нео)либерального толка, которые, как показывает исторический опыт, так и не получили сколько-нибудь убедительного подтверждения своей жизненности.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

- Адорно 2003 – Адорно Т. Негативная диалектика. – М.: Научный мир, 2003.
- Аганбегян 2019 – Аганбегян А.Г. О неотложных мерах по возобновлению социально-экономического роста // Проблемы прогнозирования. 2019. № 1. С. 3–15.

- Александр 2013 – *Александр Дж.* Смыслы социальной жизни: культуросоциология. – М.: Праксис, 2013.
- Арин 2008 – *Арин О.А.* Общество: прогресс и сила (критерии и общие начала). – М.: ЛКИ, 2008.
- Бауман 2008 – *Бауман З.* Текучая современность. – СПб.: Питер, 2008.
- Бодрийяр 2011 – *Бодрийяр Ж.* Символический обмен и смерть / пер. с фр. С.Н. Зенкина. – М.: Добросвет, 2011.
- Болдырев 2015 – *Болдырев Ю.Ю.* Как нам избежать нищеты. – М.: Алгоритм, 2015.
- Васильев 2018 – *Васильев А.М.* От Ленина до Путина. Россия на Ближнем и Среднем Востоке. – М.: Центрполиграф, 2018.
- Гуманистический поворот... 2018 – Гуманистический поворот: императив человеческой цивилизации / под общ. ред. С.А. Кравченко. М.: МГИМО-Университет, 2018.
- Гэлбрейт 2004 – *Гэлбрейт Дж.* Новое индустриальное общество. – М.: АСТ, 2004.
- История философии... 2000 – История философии: Запад – Россия – Восток. Кн. 4: Философия XX в. / под ред. Н.В. Мотрошилова и А.М. Руткевич. – М.: Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 2000.
- Кейнс 2002 – *Кейнс Дж. М.* Общая теория занятости, процента и денег / пер. с англ. проф. Н.Н. Любимова; под ред. проф. Л.П. Куракова. – М.: Гелиос АРВ, 2002.
- Коротаев 2003 – *Коротаев А.В.* Социальная эволюция: факторы, закономерности, тенденции. – М.: Восточная литература, 2003.
- Кун 2003 – *Кун Т.* Структура научных революций. – М.: АСТ, 2003.
- Лапин 2018 – *Лапин Н.И.* Гибридный транзит и потребность в «модернизации для всех» // Вестник Института социологии. 2018. № 4. С. 104–136.
- Лапкин 2016 – *Лапкин В.В.* Проблемы национального строительства в полиэтнических постсоветских обществах: украинский казус в сравнительной перспективе // ПОЛИС. Политические исследования. 2016. № 4. С. 54–64.
- Ленин 1981 – *Ленин В.И.* О брошюре Юниуса // *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений / 5-е изд. Т. 30 – М.: Политиздат, 1981. С. 1–16.
- Маркс 1957 – *Маркс К.* Наемный труд и капитал // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. / 2-е изд. Т. 6. – М.: Политиздат, 1957. С. 428–459.
- Мартынов 2003 – *Мартынов М.В.* «Глобализация» – превратности термина // США и Канада: экономика, политика, культура. 2003. № 9. С. 47–59.
- Павлов 2019 – *Павлов А.В.* Образы современности в XXI веке: пост-постмодернизм // *Личность. Культура. Общество.* 2019. Т. 21. № 1–2. С. 53–62.
- Ракитов 1998 – *Ракитов А.И.* Информация, наука, технология в глобальных исторических изменениях. – М.: ИНИОН РАН, 1998.
- Славин 2009 – *Славин Б.Ф.* Идеология возвращается. – М.: Социально-гуманитарные знания, 2009.

- Тощенко 2020 – *Тощенко Ж.Т.* Общество травмы: между эволюцией и революцией (опыт теоретического и эмпирического анализа). – М.: Весь мир, 2020.
- Федотова 2005 – *Федотова В.Г.* Хорошее общество. – М.: Прогресс-Традиция, 2005.
- Швырев 2009 – *Швырев В.С.* Сциентизм и антисциентизм // Энциклопедия эпистемологии и философии науки. – М.: Канон+, Реабилитация, 2009.
- Штомпка 2001 – *Штомпка П.* Социальное изменение как травма // Социологические исследования. 2001. № 1. С. 6–16.
- Alexander 2012 – *Alexander J.C.* Trauma. A Social Theory. – Cambridge, UK: Polity Press, 2012.
- Caruth 1995 – *Caruth C.* Trauma. Explorations in Memory. – Baltimore: John Hopkins University Press, 1995.
- Smelser 2004 – *Smelser N.J.* Psychological Trauma and Cultural Trauma // *Alexander J.C., Eyerman R., Giesen B., Smelser N.J., Sztompka P.* Cultural Trauma and Collective Identity. – Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press, 2004. P. 31–59.

REFERENCES

- Adorno T. (2003) *Negative Dialectics*. Moscow: Nauchnyy mir (Russian translation).
- Aganbegyan A.G. (2019) On Urgent Measures to Resume Social and Economic Growth. *Problemy prognozirovaniya*. No. 1. P. 3–15.
- Alexander J.C. (2003) *The Meanings of Social Life: A Cultural Sociology*. Oxford: Oxford University Press (Russian translation: Moscow: Praxis Publishing House, 2013).
- Alexander J.C. (2012) *Trauma. A Social Theory*. Cambridge, UK: Polity Press.
- Arin O.A. (2008) *Society: Progress and Strength (Criteria and General Principles)*. Moscow: LKI (in Russian).
- Bauman Z. (2000) *Liquid Modernity*. Cambridge, UK: Polity (Russian translation: Saint Petersburg: Piter, 2008).
- Baudrillard J. (2011) *Symbolic Exchange and Death* (S.N. Zenkin, Trans.). Moscow: Dobrosvet (Russian translation).
- Boldyrev Y.Y. (2015) *How Can We Avoid Poverty*. Moscow: Algorithm (in Russian).
- Caruth C. (1995) *Trauma. Explorations in Memory*. Baltimore: John Hopkins University Press.
- Fedotova V.G. (2005) *Good Society*. Moscow: Progress-Traditsiya (in Russian).
- Galbraith J.K. (1967) *The New Industrial State*. Boston: Houghton Mifflin (Russian translation: Moscow: AST, 2004).
- Keynes J.M. (1936) *General Theory of Employment, Interest, and Money*. London: Macmillan (Russian translation: Moscow: Helios ARV, 2002).
- Korotaev A.V. (2003) *Social Evolution: Factors, Patterns, Trends*. Moscow: Vostochnaya literatura (in Russian).

- Kravchenko S.A. (Ed.) (2018) *The Humanist Turn: The Imperative of Human Civilization*. Moscow: MGIMO-University Press (in Russian).
- Kuhn T.S. (1962) *The Structure of Scientific Revolutions*. Chicago: University of Chicago Press (Russian translation: Moscow: AST. 2003).
- Lapin N.I. (2018) Hybrid Transit and the Need for “Modernization for All.” *Bulletin of the Institute of Sociology*. No. 4, pp. 104–136 (in Russian).
- Lapkin V.V. (2016) Problems of National Construction in Multi-Ethnic Post-Soviet societies: Ukrainian Case in a Comparative Perspective. *Polis. Political Studies*. No. 4. P. 54–64 (in Russian).
- Lenin V.I. (1981) The Junius Pamphlet. In: Lenin V.I. *Complete Works* (Vol. 30, pp. 1–16). Moscow: Politizdat (in Russian).
- Marx K. (1957) Wage-Labour and Capital. In: Marx K. & Engels F. *Works* (2nd ed.; Vol. 6, pp. 428–459). Moscow: Politizdat (Russian translation).
- Martynov M.V. (2003) “Globalization”: Nuances of the Concept. *USA – Canada: Economics, Politics, Culture*. No. 9, pp. 47–59 (in Russian).
- Motroshilova N.V. & Rutkevich A.M. (Eds.) (2000) *The History of Philosophy: West – Russia – East. Vol. 4: Philosophy of the 20th Century*. Moscow: Greek – Latin Cabinet of Y.A. Shichalin (in Russian).
- Pavlov A.V. (2019) Images of the Present in the 21st Century: Post-Post-Modernism. *Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo*. Vol. 21, no. 1–2, pp. 53–62 (in Russian).
- Rakitov A.I. (1998) *Information, Science, Technology in Global Historical Changes*. Moscow: INION RAN (in Russian).
- Slavin B.F. (2009) *Ideology is Back*. Moscow: Sotsial'no-gumanitarnye znaniya (in Russian).
- Shvyrev V.S. (2009) Scientism and Anti-Scientism. In: Kasavin I.T. (Ed.) *Encyclopedia of Epistemology and Philosophy of Science*. Moscow: Kanon+; Reabilitatsiya (in Russian).
- Smelser N.J. (2004) Psychological Trauma and Cultural Trauma. In: Alexander J.C., Eyerman R., Giesen B., Smelser N.J., & Sztompka P. *Cultural Trauma and Collective Identity*. (pp. 31–59). Berkeley: University of California Press.
- Sztompka P. (2001) Social Change as an Trauma. *SOCIS. Sotsiologicheskie issledovaniya*. No. 1, pp. 6–16 (Russian translation).
- Toshchenko Zh.T. (2020) *Society of Trauma: Between Evolution and Revolution (Experience of Theoretical and Empirical Analysis)* Moscow: Ves' mir (in Russian).
- Vasiliev A.M. (2018) *From Lenin to Putin. Russia in the Near and Middle East*. Moscow: Tsentrpoligraf (in Russian).

DOI:

Оригинальная исследовательская статья
Original research paper**Модерн в контексте дискурса о секуляризации**

В.С. Левицкий

Украинский институт стратегий глобального развития и адаптации, Брюссель, Бельгия

Аннотация

В статье рассматривается соотношение модерна и секуляризации. Обосновывается, что дискурс о секуляризации является наиболее адекватной стратегией самопонимания модерна. Сам дискурс является неоднородным и претерпел развитие. На одном полюсе этого дискурса находится классическая теория секуляризации, видящая в ней всемирно-исторический процесс, развивающийся по схеме «модернизация – секуляризация – рационализация», претендующей на универсальный характер. На другом полюсе мы имеем отказ от этой убежденности и обоснование понимания современного общества как постсекулярного, с необходимостью учитывать религиозный этос. Такой подход позволяет рассматривать модерн как уникальную социальную реальность с характерным типом рациональности и набором поведенческих стратегий, которая сформировалась в результате трансформации (секуляризации) религиозной социальной реальности, центром которой был христианский миф. Соответственно, модернизация становится следствием секуляризации, а не наоборот, как предполагали творцы упомянутой единой модели. Тематизация в дискурсе о секуляризации нового типа общества, которое Ю. Хабермас назвал постсекулярным, позволяет говорить о кризисе конституирующих для самого модерна принципов. Вера в построение безрелигиозного общества не суждено было воплотиться в реальность, а светский разум теперь вынужден считаться с другими типами рациональности и учитывать их, в том числе, в публичном пространстве. Такая ситуация позволяет предположить, что мы являемся свидетелями рождения новой формы социальной реальности. Таким образом, в статье обосновываются следующие выводы: 1) дискурс о секуляризации признается наиболее адекватной стратегией самопонимания модерна; 2) секуляризация понимается как последовательная детрансцендентализация христианской социальной реальности; 3) факт появления постсекулярного общества свидетельствует о фундаментальных трансформациях в области самых общих представлений о природе культурного разума и связанных с ним идентичностей.